

во всех лучших залах, включая знаменитый Сантори-холл, и везде пользовались большим успехом.

Помимо профессионального общения, много впечатлений оставило и личное общение с Анатолием Павловичем. Его класс был семьей в полном смысле слова, то есть в нем учились люди, которые стали родственниками друг другу за время обучения, и до сих пор мы все как братья в одной большой семье. Я недавно вернулся из Каунаса, где мы с Витасом Сондецкисом играли Двойной концерт Вивальди, — сколько всего мы потом

вспоминали из тех времен, когда были в ансамбле виолончелистов, когда мы учились в консерватории! Между теми, кто учился у Анатолия Павловича в одно время, остается связь на всю оставшуюся жизнь. И главное впечатление от учебы в классе Анатолия Павловича, если подвести итог одной фразой, — это ощущение причастности к чему-то великому, участия в чем-то очень важном, имеющем историческое значение.

*По материалам беседы, проведенной
Д. Ю. Брагинским и Д. А. Варуль*

Памяти учителя

Об А. П. Никитине вспоминают Л. Горохов и Д. Еремин

Леонид ГОРОХОВ

С Анатолием Павловичем я встретился впервые в очень юном возрасте — на его концерте в Малом зале филармонии. Сонату Рахманинова в его исполнении помню до сих пор. Мало было концертов, настолько ярко запечатлевшихся в памяти.

Класс Анатолия Павловича всегда был дружным, и старшие помогали младшим. С. Ролдугин, В. Атапин, М. Лездкан, А. Массарский, О. Гальперин, А. Истомин, С. Словачевский, К. Кравцов, А. Васильев... список мог бы быть очень длинным — ни в коем случае не хочу обидеть тех, кого не упомянул.

Мне трудно выделить какое-то одно, самое сильное профессиональное впечатление тех лет, которые я провел в классе А. П. Никитина. Наверное, это моменты, проведенные на сцене вместе с ансамблем виолончелистов, и особенно игра Профессора — его соло, незабываемые и несравненные по выразительности и красоте звука, изысканности и в то же время непосредственности интонации.

Меняются времена, стили исполнительства, но есть критерии, остающиеся бесспорными во все времена: качество, преданность профессии и любовь к ней, живое отношение к музыке. Это присутствовало всегда на уроках нашего Профессора, подкреплялось его личным примером и помогает мне теперь на сцене и в классе. Очень сложно в нескольких словах выразить то, для чего существуют целые книги. Моя благодарность Анатолию Павловичу за дорогу в профессию безгранична. То, что мне удалось многие годы общаться с человеком редкого дарования, интеллекта, обладающим к тому же неподражаемым чувством юмора, — незабываемо. Огромное влияние Никитина-педагога на всех нас и нашу виолончельную школу бесспорно. И все же главным для меня остается Никитин-артист — один из великих виолончелистов-исполнителей, пусть и менее извест-

ный, чем иные другие; и тем счастливее мы, которым удалось это узнать.

Дмитрий ЕРЕМИН

Об Анатолии Павловиче нельзя сказать коротко: «Хороший был человек и музыкант!» Для этого он был слишком многогранной личностью, самобытный во всем, чего бы ни касался. Виолончелист, звук которого больше, чем звук виолончели. Этот звук имел душу.

Многие его не любили, считали тяжелым человеком. Но минус на плюс — это гармония. Никитин был челове-

ком, от природы наделенным гармонией самостоятельным и ясно избранным путем в жизни. И для него это было главным, а «мнения» не имели значения. Необычайно цельный. Необычайно сильный духом. Не терпящий посредственности и серости, отмечающий их даже во вред себе, при этом умеющий разглядеть настоящий талант, иногда до его первого проявления. Ценящий в коллегах дар Божий и отстаивающий это всегда и везде. Непредсказуемый и иногда очень жестокий. Влюбляющийся в гениальную музыку. Никогда не забуду его неизменное восхищение одним тактом в конце Второго концерта Рахманинова, где удивительно красиво меняется гармония («Сколько в этом тоски!..»). Обожал Рахманинова, Чайковского, Николая II, Алису Фрейндлих. Радовался как ребенок своим любимым фильмам — «Служебному роману» Э. Рязанова и «Игрушке» с П. Ришаром (очень любил музыку оттуда, действительно замечательную).

Конечно, все молодые виолончелисты мечтали к нему попасть. Правда, потом некоторые жалели — не выдерживали. Прессинг был суровый: помимо мастерства закалялись нервы. Мой отец мечтал, чтобы я попал в знаменитый класс прямо из обычной музыкальной школы. Анатолий Павлович не горел желанием получить еще одного бездельника, но отец познакомился с одним из самых ярких учеников Никитина — Кириллом Кравцовым, который стал меня курировать. Услышав от него, что я делаю успехи, Профессор позвал меня в Ансамбль виолончелистов, созданный им уже давно и выступавший на престижных площадках России и зарубежья. (Мог ли я тогда представить себе, что спустя годы даже буду руководить этим легендарным коллективом?!)

В то время ансамбль играл «Половецкие пляски» Бородина — труднейшее и эффектное переложение И. Рогалева. Там в конце есть виртуозное соло виолончели, которое у весьма уже маститого участника на одной из репетиций не «прохилияло», поэтому соло это попросили играть пианистку. Так и играли долгое время. Когда я получил ноты, этой истории еще не знал, поэтому разобрал и злополучное соло. На репетиции оно как-то само

собой получилось в весьма подвижном темпе; ансамбль внезапно остановился, и все, в том числе Профессор, восхищенно на меня посмотрели. Не помню, что он сказал, но что-то вроде: «Вот это да!» Тут же раздался победно-довольный голос Кравцова: «Ну так чей ученик-то?!» Не помню, учился ли я уже тогда в знаменитом классе, но то, что был «замечен», — это точно. А в ту пору в классе Никитина это могло стать началом больших успехов.

Это только один из тех многих сюжетов, которые, увы, теперь уже стали частью истории и дорогой памяти. Анатолий Павлович любил повторять восточную мудрость: в становлении ученика учитель важнее родителей. Не знаю, насколько точна эта интерпретация, но то, что на 85-летие Мастера в прошлом году собрались все его ученики, от первых до нынешних, говорит о том, что он был незаменимо важен в жизни каждого из них. Хотя сам всегда повторял: «Незаменимых нет!» Отношения с учителем у всех складывались в разное время по-разному, но все приехали, в том числе из-за рубежа!

Грань, которая должна быть между учителем и студентом, стиралась во время щедрых застолий и после-концертного общения с Профессором, становившимся для нас в те моменты как будто проще и ближе. Тогда забывалось, что перед нами человек-легенда, учитель, которому можно подражать, но которого нельзя и невозможно повторить.

1 мая традиционно (с опозданием) отмечали день рождения на даче Анатолия Павловича в Сиверской. Для учеников — это всегда праздник на природе с шашлыками, возможность поднять бокал за здоровье шефа с ним самим, с такими его друзьями, как композитор Исаак Шварц, трубач Вениамин Марголин. Была какая-то особая атмосфера единения вокруг харизматичного, остроумного человека, словно магнитом притягивавшего к себе интересных людей, неординарных личностей.

В жизни каждого из учеников, гордых принадлежностью к школе А. П. Никитина, с его уходом навсегда останется открытым окно благодарной памяти и светлой печали...